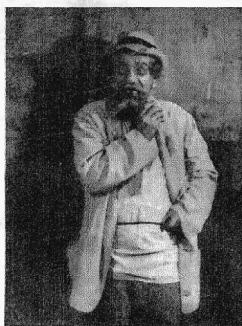

Обозрение построено настолько на зарисовках быта, сколько отчасти использования готовых литературных шаржей, на чистой выдумке. Вниманию зрителя авторы, являющие плохо видимо советскую семью, пытаются представить разновидности этой семьи. Первым номером демонстрируется медицинская семья, или, как ее именуют авторы «заспецовавшиеся спецы». Сценка представляет собой сильно растянутое повторение положений сатирического стихотворения Саши Черного о любви медички. Все члены семьи: отец — хирург, мать — гинеколог, дочь — дантист, ее жених — венеролог, со вкусом рассказывают за обедом случаи из своей медицинской практики, выывая мало аппетитными подробностями отравление не только у гостя, приглашенного к обеду, но и у зрителей. «Ужасно» смешно! И крайне необходимо для характеристики спецов!

Далее следуют: — бюрократическая семья, су-

харевские некопаемые, старосветская семья, негрессья, неманская, «любовь атроем», парт-семья и студенческая. Только две последние отмечены чертами характерности. В сценке парт-семьи авторы дают меткий шарж на вечно занятых, утонувших в «двухсотпроцентной грузовой» «товарища папу» и «товарища маму», пионера и

Н. М. Пашнер — Н. Г. Наумов

Театр „Сатиры“

„КОНКУРС НА ЛУЧШУЮ СЕМЬЮ“

комсомолку. Сценка «Гранит науки» с большой теплотой и мягким юмором демонстрирует молоду студентскую пару упорно и настойчиво, бодро и весело, несмотря на голод и лишения, граву-

щую «гранит науки», чувствующую, что жизнь прекрасна, со всей силой молодости оправдывающую во имя этого прекрасного все невзгоды. Сценка превосходно сделана арт. Неверовой и Шахет.

Остальные сценки — винегрет, в котором падаются и отдельные едкие словечки, но очень редко сколько-нибудь характерные для нашего времени положения. Сценка «советское-старосветское» как бы отбывает на фоне наших дней те пустяковые печали, которые тревожили во время оно разных старосветских помещиков. Но что в этой сценке советского? Почему она включена в обозрение советской семьи? Какое отношение имеет к теме и негрессья, кроме того, что она произносит в своем лирическом оперном квартете слово «СССР»? Стоит ли также занимать зрителя шаржем-зарисовкой семейного быта чиновника — бюрократа чеховского времени, если уже народился новый тип чисто советского бюрократа? Тяжела авторская выдумка в сценке «Сухаревские ихтиозавры», — сценке, спасаемой, однако, сочным актерским исполнением. Исполнение наполняет жизнью и бедную по композиции сцену «духовная пища» (неманская семья), где есть и отдельные удачи. Так, в трафаретный чарлоттон хорошо вписана спекулянтская фигура гостя, (арт. Холодов), ведущая «деловой» разговор. Талант в этой сцене, однако, не новый. Фигура миллионера (арт. Тення) резко плакатна, а «эстракцион» — «Как питаются миллионеры» — грубоват. В стороне от проходимой в обозрении темы «семья» стоит сценка «Модная болезнь» или «В котях у висторины». Здесь есть остроумные моменты. Хороша игра, особенно Поля, обладающего свойством оживлять своим приходом сцену. Вот, например, отрывок «За двумя зайцами», в котором Поля в тысячу первый раз повторяет вариант роли обманывающего мужа и любовника. Но как

живо идет эта шаблонная сценка! Хорошим партнером Поля является НУРМ, имеющая в обозрении и самостоятельный номер — разговоры по телефону. Эти разговоры не целиком у Нурм удачны, но ясно, что интонационное разнообразие у нее вырабатывается хорошо.

Обозрение построено по обычному шаблону: пролог — вся труппа, затем ряд отрывочных сцен — и заключение — опять вся труппа. Не выведено семьи рабочего, служащего и проч. и проч. Нет, короче говоря, подлинной советской семьи. Почему нет?

— Всего не хватиши сразу, — оправдываются авторы. Справдание слабое, детское.

„НОЖИ“

Г. Холмский увидел в маленьком рассказе В. Катаева «сценически выигрышный материал» для «песны богатой звуками и красками, колоритом сегодняшнего дня».

Правда, какой-то червь сомнения точил при работе над пьесой и автора Г. Холмского и режиссера Краснянского и даже композитора Дунаевского, (это отразилось в традиционных беседах для печати) и, как показали результаты работы, не напрасно. Спектакль неудачный.

Чтобы сделать из маленького катаевского сюжета трехактную пьесу требовалась огромная работа. Скропный сюжет должен был обрести эпизодическими «украшающими фигурами» настолько, чтобы эти фигуры явились в спектакле главным. Именно они в своей совокупности дали бы «колорит сегодняшнего дня». Постановщик Э. Краснянский правильно понял эту задачу.

Но от намерений до выполнения, как известно, часто бывает большая дистанция. Ее не одолели ни автор, ни постановщик.

Г. Холмский слишком старательно, решил задачу — ничего не упустить из катаевского сюжета и мало повзбавился об «украшающих фигурах». В речи этих «фигур» нет ничего характерного. Весь текст не ярок. Запоминаются только хорошо сделанные остроумные стихи-куплеты М. Вольпина, (колыбельная, няньки на бульваре, отдельные частушки). Вся тяжесть построения «канровой картины современности богатой звуками и красками» легла, таким образом, на постановщика. Здесь приходится констатировать полную не-

С. П. Близняковская — цыганка

удачу. Давно не было на московской сцене столь безжизненной и безличной толпы. Единственно живой момент в сценах на бульваре составляющих «песны» — выигрыши привов. Все остальное неорганизованное топтание на месте одних и тех же на протяжении всей пьесы — это прохожие-то на бульварах! — мажеников — да не обидится исполнитель, — не их вина в костюмах. Только по костюмам и различалась молодежь от мешанства.

Отсутствие игрового материала в тексте заставило режиссера заполнить действие трюками — шарманщик с танцовщицей и фокусником и пр., при чем все это дано в формах забытых пародий.

Сцены мешанского быта (помолвка в доме сухаревской торговли), столь же малосодержательны, как и сцены на бульваре. Типаж здесь также не ярок и действие также заполняется «двигательством» («концерт-кабаре»), из номеров различного возраста. Он, правда, более оживлен по исполнению, благодаря участию классического эстрадника Кара — Дмитриева и специалиста по чувствительным романсам под гитару — Китаева. Но «колорита сегодняшнего дня» в этих сценах также нет.

Весь спектакль лишен тех звуков и красок, которые чудились автору и постановщику в материале рассказа Катаева. Нет в нем того сценически выигрышного, что воодушевило бы актеров. На технике сыграли: Близняковская — цыганку-гадалку, Кара — Дмитриев — жениха. У остальных, начиная с Копелянской — известы, очень приятно поющей, на исполнении налет серости, апатии.

В декоративной части заслуживает внимания «квартира-склад сухаревской торговли». Стекло-бутылки и банки — оказались (это открытие сделано А. Роомом в кино картине «Ухабы») сценически эффектным аксессуаром.

Заранее оговаривая возможность неудачи, постановщик придалава спектаклю значение еще одного шага, приближающего к созданию советской сатирически-бытовой оперетты. Так и слепует спектакль оценивать. В этом его оправдание.

С. ВАЛЕРИН

Н. А. Капелянская — Людмила, В. М. Казаринов — Прыщик